

Дорога Ворона



Александр Я. Дорога Ворона

<https://litres.ru/74297793>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мир рухнул, но Ян не сдался. Когда банда «Стервятников» во главе с Вороном отняла у него семью, обычный подросток превратился в легенду — в Тень, невидимого мстителя, держащего в страхе целые отряды бандитов.

Его оружие — не только ловушки, но и холодный ум, а главная цель — найти своих. Всё меняется, когда он спасает Лику, такую же сильную и одинокую. Вдвоём они становятся не просто выживальщиками, а силой, способной бросить вызов самому Ворону.

Это история не только о мести. Это — дорога сквозь хаос, где в кромешной тьме можно найти и предательство, и верность, и ту самую надежду, ради которой стоит жить. Первый этап пути завершён, но впереди — «Цитадель», тайна прошлого и новая битва за будущее.

Содержание

1 Жизнь до.	4
2 Становление.	6
3 Первое время.	10
4 Потеря всего.	13
5 Урок тени	15
6 Территория. Становление.	18
7 Будни	20
8 Люди с автоматами. Ночная разведка	21
9 Следующий приход.	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Александр Я. Дорога Ворона

1 Жизнь до.

Мне было лет пятнадцать. Обычная жизнь обычного подростка. Школа, двор, запах пыли после футбола. Мир был чётким, как клетки в школьной тетради, и все дороги казались ведущими вперёд.

Я ходил на карате. Не для чемпионских званий, а для поддержания формы. Нравилось ощущать своё тело — послушное, сильное, где каждый удар и блок подчинялись воле. Выносливость была моим скрытым козырем, который я методично прокачивал, словно знал, что он понадобится для другой, неспортивной дистанции.

А ещё была гитара. Моя скромная, но бесконечно дорогая коллекция: три гитары разного калибра и самодельные электрические, спаянные из чего нашёл. Самые ценные инструменты были те, в которые я вдохнул жизнь. Это был мой главный талант — не играть, а мастерить. Можно было посмотреть боевик про ниндзя, а на следующий день в гараже, под аккомпанемент папиных советов, рождались сюрикены из напильника. Или поиграть в постапокалиптическую игру, а потом мастерить дротики для пневматики.

С папой мы иногда стреляли по банкам. Он учил меня не баловаться, а уважать оружие. Чистка, сборка, мертвая хватка, контроль дыхания. «Оружие — это последний аргумент, сынок, — говорил он, прицеливаясь. — И его нужно знать в совершенстве, чтобы никогда не пришлось им воспользоваться». Я тогда кивал, не понимая до конца. Для меня это была просто ещё одна игра с отцом.

А вечерами... Вечерами был ритуал. Ужин, потом родители в гостиной обсуждали, какой фильм сегодня смотреть — старый добрый вестерн или новую фантастику. Или строили планы: «Этим летом махнём на море? Или лучше в горы, покататься на фуникулере?». Голоса их спорили, смеялись, растворялись в тихом гуле телевизора.

Этот мир был хрупким, как стекло. Мы этого не знали. Мы думали, что он — навсегда. Эта жизнь, эта музыка, эти планы на лето... Они были фундаментом, на котором стояло всё. Потом фундамент рухнул.

2 Становление.

Сначала это было похоже на плохую погоду за окном — что-то далекое, неприятное, но не наше. По телевизору говорили размытыми фразами о «сбоях в цепочках поставок», «нестабильности на рынках». Слова были тяжелыми и непонятными, как в учебнике экономики. Папа хмурился, глядя в экран, и переключал канал на какой-нибудь старый фильм. «Не забивай голову, — говорил он. — Наверху что-то сломалось. Починят».

Но поломка эта стала отражаться в нашей жизни. Не сразу, а как ржавчина — медленно и неотвратимо. Первой ласточкой стало то, без чего не ездят машины. Оно стало исчезать с заправок, а там, где появлялось, цена прыгала так, будто соревновалась сама с собой. Папа перестал лишний раз заводить машину, а наши планы на лето в горы тихо испарились, как вода из треснувшей вазы.

Потом поползли вверх цены в магазине. Мама возвращалась с покупками, разгружая не полные пакеты, а что-то скучное, базовое: крупы, макароны, консервы. «Фрукты исчезают с прилавков», — вздыхала она, и в её голосе впервые появилась тревожная нота, которую я раньше не слышал. Мы еще жили, не голодали, но прежняя беззаботность — «купим, если захочется» — ушла. Теперь перед покупкой думали.

А по телевизору всё улыбались и говорили, что «система адаптируется». Что-то, тлевшее годами где-то далеко на экране, вдруг вырвалось за его пределы. Оно пришло в наш город запахом гари с окраин, где горели первые баррикады из старой мебели. Пришло грохотом разбитых витрин в центре — уже не в столицах из новостей, а в нашем. Пришло ночными криками и сиренами, которые стали новым саундтреком для бессонницы.

Всё, что мы называли системой, эта огромная, казалось бы, несокрушимая машина, начала скрипеть, дымить и разваливаться на части. Сначала пропал интернет — будто кто-то перерезал невидимые провода. Потом стали отключать свет — на час, на два, на всю ночь. Мы ели при свечах, и тени на стенах плясали какие-то дикие, незнакомые танцы.

А потом пришел Голод. Настоящий. Не как метафора, а как пустота. Сначала — пустые полки в магазинчике. Потом — длинные, злые очереди за бумажками с печатями, по которым давали мизер. Потом — тишина и решётка на дверях того же магазина. Цепочки, державшие мир, рвались одна за другой. Логистика — это мудрёное слово из новостей — остановилась. Грузовики замерли на трассах. Не стало заво- за — не стало еды.

И тогда началась охота. Люди сбивались в стаи, но это были уже не кричащие у зданий, а голодные, отчаявшиеся звери. Они рыскали в поисках еды, тепла, безопасности. Сосед пошёл на соседа с кулаками из-за банки тушёнки, найденной

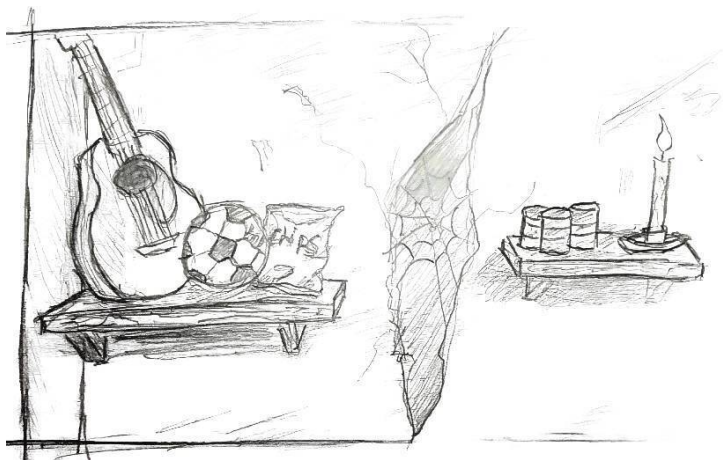
в чужом гараже. Запасы стали валютой дороже золота и билетом в завтрашний день. Или причиной, чтобы этот день не наступил.

В один из таких вечеров, когда свет отключили уже насосем, папа задул нашу последнюю хозяйственную свечу. В темноте, густой и почти осязаемой, его голос прозвучал тихо, но с такой железной чёткостью, что мороз пробежал по коже: «Кончился мир, Лена. Начинается другая жизнь. Та, к которой нас не готовили». Он повернулся ко мне. Вспыхнула спичка, осветив его лицо. В его глазах не было ни паники, ни злобы. Была холодная, выверенная годами службы ясность. Взгляд человека, который только что прочитал карту местности и понял, что путь назад отрезан. Остался только один — вперёд, сквозь эту тьму.

В ту ночь я в последний раз лёг спать ребёнком, который боится монстра под кроватью. Утром монстры вышли на улицы. И мы с папой спустились в гараж. Мы начали собирать не «запасы на чёрный день». Мы начали готовить арсенал. Папин старый армейский рюкзак, ножи, инструменты, всё, что могло стрелять или колоть. Я достал свои сюррикены и дротики — детские игрушки, которые внезапно обрели страшный, взрослый смысл.

И я наконец понял. Всё моё детство — удары по боксёрской груше, сборка-разборка папиного «ТТ», эти вечера в гараже, где я что-то пилил и клепал — это не было игрой. Это была первая глава. Учебник по выживанию, который

мне тайком, день за днём, вкладывал в руки отец. Теперь настало время открыть вторую. И первым уроком в ней было: твой дом — это крепость. А в крепости окна не для того, чтобы смотреть. Они для того, чтобы стрелять.



3 Первое время.

Первое время было непростым. Какие-то люди бежали, бросали свои дома. Мы не бежали. Мы засели в своей крепости как учил папа. И пока другие метались, мы методично притаскивали в подвал брошенные запасы: пачки муки с чужой кухни, банки с солёными огурцами из погребов, пустые канистры для воды (чтобы потом набрать воды).

Ритм был жёсткий. Просыпались с восходом солнца — электричества не было уже месяц. Завтрак: по кусочку хлеба, которого уже давно не видели мягким, и маленькая миска чего-то однообразного — гречка с тушёнкой, макароны с консервами. Вкус тушёнки стал отражением этого нового мира — солёным, металлическим, вечным.

День делился на вахты. Я, папа, иногда мама — мы смеялись друг друга у окон, завешенных плотной тканью. Смотреть нужно было в щель. Неподвижно. Цель — не пропустить движение. Чаще всего это были военные на грузовиках, которые давили толпу или загружали в кузова кричащих людей. Реже — одиночки, крадущиеся вдоль стен с ножами и пустыми рюкзаками. При их приближении мы замирали. Редко кто пытался зайти, но почти всегда у них не выходило. Молчание было нашим щитом. Шаг, скрипнувший на лестнице, мог стать смертельным приговором.

Звуки снаружи стали частью пейзажа. Крики, выстрелы.

И главное — рёв дизельных двигателей. Этот звук леденил кровь. Он означал, что «стервятники» близко. При их приближении мы отползали от окна и тихо, как тени, спускались в подвал. Птицы, кстати, исчезли одними из первых. Остались как будто только вороны, чёрные и молчаливые на проводах.

Иногда, когда запасы таяли до критической отметки, мы делали вылазки. Папа и я. Мама оставалась. Мы крались, как ночные звери, от развалины к развалине. Благо вода ещё текла из нашего колодца, и базовые медикаменты мы берегли как зеницу ока. Но еда уходила. С каждым разом приходилось уходить всё дальше от дома. А чем дальше, тем опаснее путь назад с найденным — мешком полупустой крупы или ящиком старых консервов. Спина ныла, каждый шорох заставлял оборачиваться, а в ушах стоял тот самый рёв моторов, даже когда вокруг была тишина.

Магазины были вычищены до блестящего линолеума. Не все, но некоторые проверять было опасно, и мы не рисковали. Частные дома стояли распаханутыми настежь, пустые и холодные. Улицы превратились в пустыри, усеянные осколками и скелетами машин. Исчезли не только птицы — исчезли кошки, собаки. Всё живое, что не могло защитить себя или спрятаться достаточно хорошо, было съедено. Сначала метафорически — потом буквально.

Мы держались. Наш дом был островком в этом мёртвом море. Но остров медленно тонул. Запасы таяли. Силы — то-

же. А вылазки становились всё длиннее и безрезультатнее. Мы уже не искали излишки. Мы искали крохи. И в один из таких дней, когда еды оставалось на исходе, папа, вернувшись с очередной пустой разведки, посмотрел на карту района. Его палец медленно провёл линию к соседнему посёлку, где, по слухам, ещё держались полуразграбленные магазины и аптека. «Завтра», — сказал он. Только одно слово. В нём не было плана, не было надежды. Была только голая, костяная необходимость. Завтра мы покинем крепость.

4 Потеря всего.

Утро. Все позавтракали, собрали рюкзаки и пошли в путь. Туда мы шли вдоль реки. Там было не так много открытого пространства, и мы, если что, могли пойти по лесу. Путь был неблизкий. Мы шли часа четыре, не меньше, в обход опасных мест. Так напрямик мы бы за час добрались. Людей не встречали, грузовиков тоже.

Вот тот магазин, а через улицу и аптека виднелась. Сначала прочесали магазин. На входе была арматура, и всё забаррикадировали. Как будто решили не оставить магазин никому. Мы, наверное, минут десять—двадцать искали, как пролезть. Я нашёл окно. Меня подсадили, и я обнаружил, что там полно еды. Хватит нам надолго. Скинул верёвку, чтобы остальные могли залезть. Все рюкзаки, что взяли, мы плотно забили доверху. Потом через это же окно аккуратно вылезли и пошли в аптеку. Верёвку спрятали так, чтобы можно было залезть самому в другой раз. Там, в аптеке, ситуация была похожа. Мы прошли и взяли рюкзак самого необходимого.

А дальше мы с полными рюкзаками пошли обратно. 4 часа нести всё добро было не лучшее решение, ну и мы пошли через ту деревню. Немного скоротать путь.

Улочки пустые, когда-то здесь было всё убрано и покоешно. Домов было достаточно, у всех были свои заборы. Кто-то строил высотой в три метра. Видно, пытались залезть, но

не выходило. Расположение деревушки выгодное: рядом магазины, аптеки, лес и речка. Мы шли по памяти. Раньше мы тут просто гуляли.

И вот мы проходим к одному домику, мне почему-то захотелось его осмотреть. Вроде знакомые там жили. Остальные же остались на улице на привал. Я залез через тыльное окно, повёрнутое к лесу. Прошёлся через кухню. Еды совсем немного, но рюкзаки полные, и я не стал набирать. Просто посмотрел полки и шкафы.

Залез на второй этаж – тоже ничего. Пару курток в шкафу, бинокль, да и только. Только взял его, подошёл к окну и вижу, как подлетает грузовик. Скрип тормозов, звук дизельного мотора и крики тех, что с грузовика. Из кузова вылетают люди и хватают всю мою семью. Я в шоке. Обыскивать они этот дом не стали. Но я тихонько пошёл на кухню и взял пару ножей: в каждую руку и затаился. Я слышал разговоры. Кто-то всё же пытался обыскать дом, но они куда-то торопились. Как я потом понял, это были стервятники, охотники за дешёвой рабочей силой и едой. Я не заметил, как остался совсем один. Просто одна случайность отделила меня от остальных. Ведь мы могли вообще не попасться к ним.

Это ужасное горе. Я ведь толком и не знаю, живы ли они. Что с ними будет. А главное, встречу ли я их снова... Пришлось возвращаться домой одному. Совсем одному. Входная дверь скрипнула, и я скинул тяжёлый рюкзак на пол. Из рук вывалились мои ножи с того дома.

5 Урок тени

Бессонная ночь. Или сон был, или нет. Всё мелькало перед глазами. Шум мотора в ушах, крики – всё будто за окном. Ужасно не выспался. Я пролежал до рассвета. Встал, открыл рюкзак, вытащил все вещи и разложил рядом с постелью. Дом был пуст. Увы, всё это не сон.

Те два ножа так и лежали у входа. Я нашёл изоленту чёрного цвета и обмотал ручки, чтобы не выскальзывали, бросил их дома, у лежанки. Я взял уже почти пустой рюкзак, тот бинокль и решил пройтись по моей деревне. Абсолютная тишина. Нет ни души, как и раньше, но в этот раз нет и тех, кто всегда рядом. Вскоре я решил вернуться. Обошёл дом, зашёл в комнату папы, нашёл там пистолет и винтовку. Осмотрел их, почистил. «Потом возьму», – решил я и закрыл дверь.

Так я провалялся пару дней. Спал я так себе, но хоть как-то смог немного отдохнуть и набраться сил. Вдруг я вижу: идёт мой сосед. Весь в рваной одежде, еле-еле перебирающий ногами. Идёт и стонет. Я выбежал на улицу без всего.

— Здравствуйте, дядя Ваня.— Поверить не могу, Ян. Как... как ты тут? Ты не один? Есть кто ещё?— Я тут один. Больше нет... никого.— У меня нет сил и еды. У тебя не найдётся хоть водички?— Пойдём, у меня есть немного.

Он зашёл в мой дом. Ну как зашёл – заполз. Я проводил его на кровать. Тут раньше мы смотрели телевизор. Сходил

к себе, принёс воды и еды. Хороший ужин был у нас. Я не пожалел хороших продуктов. Старику вроде полегчало. Мы немного с ним поболтали. Я спросил у него про грузовик с людьми в форме. Тот рассказал мне про жестокую группировку, которая называет себя «Стервятники». Не знаю, как он получил так много информации. Рассказал мне как-то всё поверхностно. Людей используют как рабов, плохо кормят, но не убивают просто так. Сказал, что его семью тоже забрали, как и мою. Я ему поверил.

Я принёс одеяло и сам пошёл спать. Долго думал о мужике, о семье. Лёг, начал дремать. Почти уснул. Я не слышал скрипа лестницы, но сзади подкрался тот мужик, который ещё днем еле ходил. Схватил меня и начал душить. Говорил, что припасы ему нужнее, а мне должно быть всё равно. Я отбивался как мог. Бил ногами и руками. Мне удавалось немного ослабить его хватку. Чудом я выхватил один нож, который я зачем-то бросил под подушку. Вонзил ему прямо в шею. Всё было в крови. Я был в крови. Непонятно, в своей или в его.

После того как всё кончилось, я сидел, смотря на тело до самого утра. Смотрел и думал: «Никому нельзя верить, лучше и вовсе не высываться...». Как солнце встало, я похоронил его в лесочке у его же дома.

Вернувшись домой, я не пошёл спать. Я взял папино оружие поближе. Взял рюкзак покрепче и пришил петли для винтовки. Потом подошёл к зеркалу в прихожей. Там стоял

парень с пустыми глазами, в одежде, запачканной чужой и, возможно, своей кровью. Я посмотрел на него и тихо сказал: «Всем враг. Никому не верь». Потом разбил зеркало прикладом. Теперь смотреть было не на кого.

6 Территория. Становление.

Я собрал все что было, съедобное и просто полезное: 3 банки тушенки, 4 банки фасоли, пару пачек гарнира, пистолет, кобуру, веревку, пневматическую винтовку с прицелом и маленький ножик. Те два я бросил дома, не стал их брать.

Не мог больше видеть этот пустой дом, да и припасов в округе нет. Я решил перейти в ту деревню, где все изменилось. Там было очень много удобных участков, непролазные заборы, река и лес с разных сторон. Карта тоже у меня где-то была.

Уже на подходе я присел в кустах и разглядывал карту: где бы устроить базу. Я искал такое место, где можно легко обосноваться. Такое, откуда легко сбежать и обойти пришедшего. Такое место, откуда легко добраться до любого края этого поселка и откуда отлично все просматривается.

Одно такое место было. Я шел туда, осматривая каждый домик, буквально. Нагребал себе в рюкзак еды и искал что-то полезное. Во втором доме, например, я нашел удобный охотничий нож на замену тем, что я нашел ранее. Нашел еще пистолет и пару пачек патронов. Редкая находка. Какие-то дома я для себя отмечал на своем плане моей крепости. Где-то я уже понимал, что тут нужно как-то обезопасить улицу или сделать подкоп под забором.

В конце концов я дошел до того здания. Простенькое, от-

носителем неприметное. То, что надо. Все пожитки я спря-
тал на втором этаже. В ванной было под крышей место. Дос-
ки удобно отодвигались. Нужно было постараться, чтобы
найти. Я-то полдня обыскивал этот домик. Выбрал себе ком-
нату, положил вещи в шкаф, занавесил окна, оставил толь-
ко щелочки. Нужно что-то что предупредит меня о приходе.
Точно растяжки. Веревка как раз была со мной. Привязал,
проверил. Можно спать. Первый раз я выспался за эти неде-
ли.

На утро я принял решение расставить опорные пункты че-
рез каждые полкилометра-километр и сделать там тайники.
Это заняло пару дней. Людей не встречал. Лес был рядом, и
я нарубил орешника и сделал ежей. Не противотанковых, а
противопехотных. Все въезды я перегородил для тех грузо-
виков. Я видел все, меня никто. Тут и началось мое преиму-
щество. Растяжки были везде. Где смог звуковые, где-то да-
же капканы были уже через неделю. Карта моя пополнялась.
Спокойствие росло.

7 Будни

Прошла неделя, может пару. Стал вести дневник. Сделал полноценные опорные пункты. Моя крепость готова.

Мои будни простые, спокойные. Утром как всегда подъем на рассвете. Завтрак и погнал. Новые растяжки, охота. Прохожусь по периметру и осматриваю все, что не успел и что давно осмотрел. Ловушек стало очень много. Но я уже выучил их все наизусть.

Иногда я выбирался подальше. Смотрел округу. Видел пару раз грузовик. Тот самый. Но меня не видели. Я был частью ландшафта. Магазин и аптека вскоре тоже были под моим контролем. Границы расширялись. Патронов и еды стало более чем достаточно. Как я подсчитал на год при моем объеме пищи. Не меньше.

Иногда я ходил в лес. Да охотился. Костры разводить не лучшая идея, но порой приходилось. Бывало я так сливался с природой, что олень мог чесаться о мой рюкзак. Так я и жил, наверное, месяц.

8 Люди с автоматами.

Ночная разведка

Ночь. Небо ясное. Солнце зашло пару часов назад, а редкие облака по краям немного светились рыжеватым цветом. Я ещё не спал. Сработала одна из ловушек. Не в центре, а с краю. С захода в деревню. Потом ещё одна. Тут уже точно кто-то пытался пройти.

Я взял рюкзак с винтовкой. Прошёл пару улиц и залез на крышу удобного для наблюдений здания. Как я и думал. Люди в форме. Человек 5–7. Были вооружены пистолетами или даже автоматами. Это была какая-то явно организованная группа. Намерения их я пока не понимал, но вскоре должен был узнать.

Я смотрел, как они залазят по домам и что-то ищут, через прицел. А может, не что-то, а кого-то... Им было тяжело проходить колышки и ловушки. То, что и нужно. Я слышал, как дали установку палить по всему, что движется. Плохой план. Я выжидал момент, когда они разделятся. Выждал и потихоньку слез.

Первого я встретил в проулке. Он не ожидал меня встретить. Он не успел среагировать, как уже лежал в кустах. За ним шёл его напарник. Вскоре тоже оказался там же. Оба были в той же форме, что люди на грузовике. Видать, те, кто

мне нужны. Я связал тех двоих и пошёл дальше. Больше мне пленных не нужно.

Пришлось обойти пару улиц и пролезть под заборами. Выцепил ещё одного. Один ловкий удар ножом — и противников осталось ещё трое. Те начали что-то подозревать. Как-то странно, что люди расходятся, но не приходят.

Потом отделился ещё один — завязать шнурок. Когда его товарищи повернулись и посветили фонариком, поняли, что их товарищ уже мёртв. Эта парочка крутила головами как могла и не знала, что им делать. Я наблюдал издалека, да так, чтобы меня не было видно. Те люди начали двигаться к выходу. На их лицах был явный ужас. Они и не могли представить такой подставы от простой деревушки. Они шли прямо на мой капкан. Нога первого наступает в петлю — и вот он уже подвешен кверху ногами. Естественно, его напарник не ожидал такого. Начал стрелять во все стороны и потратил все пули. Мне хватило одного выстрела с пневматики — и последний тоже уже не встаёт.

Я почистил все следы их присутствия. Все, что смог. Заново натянул ловушки. Но осталось двое пленных. Их я допросил на месте. Сказал им написать ответ на вопрос. Другой не видел ответ первого. И потом я уже решал, что правда, а что нет. Долго не мог их разговорить. Пришлось немного потрудиться. Все хотят жить.

— Зачем ты здесь?— Нас послали на разведку, — сказал первый.— Послали на разведку, — подтвердил второй.—

Кто?— Ворон, — написал первый.— Ворон — это наш главарь.— Почему дали указание стрелять?— Ловушки.— Обычно ловушки просто так не ставят.

Я узнал о них достаточно. Но и правду ли они говорят, я не знал. Знал, что придут за ними. Я не мог их оставить. Мне пришлось.

9 Следующий приход.

Несколько дней было тихо. Я привёл всё в порядок. Где-то даже видел, как кошка промелькнула. Я оставил банку корма на крыльце.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.